

«Верните нам Сталина»

«Верните нам Сталина!» – прорвалось в Грузии.

Грузины пострадали от сталинских репрессий не меньше других, но на доклад Хрущева они отреагировали как на личное оскорбление. Недовольство исподволь назревало все послесталинские годы: еще вчера они, грузины, руководили огромной страной, а теперь в Кремле – ни Сталина, ни Бери! И похоронили Сталина, по их мнению, поспешно, «вопреки грузинским традициям длительного оплакивания и прощания с покойным», распрощались с ним по-русски, всего за три дня. К тому же, гроб с телом установили в Колонном зале Дома союзов, унизив тем самым «солнце народов» до уровня обычного «выдающегося государственного деятеля». И еще, похоронили Сталина в понедельник, что грузинскими обычаями категорически запрещается. Берия мог бы об этом вспомнить, но не вспомнил. Остальные члены Президиума о таких тонкостях и не подозревали. «Хотя прошло уже три года со дня его смерти, многие в Грузии не могли постигнуть, что к самому великому божеству на нашей планете осмелились отнестись как к простому смертному». Недовольство выплеснулось на улицы 4 марта 1956 года. Поводом послужило глухое молчание в канун дня смерти вождя. Первые цветы к монументу Сталина в Тбилиси понесли еще днем. Местное руководство неуклюже «отреагировало», запретив «в школах, вузах и учреждениях сбор денег на венки, ограничив продажу венков специализированными магазинами, что было воспринято резко отрицательно, особенно молодежью». Вечером 4 марта у памятника собралась толпа, по свидетельству милиции человек триста, весьма разношерстная и неорганизованная: «студенты, выпускники вузов, зацепившиеся в столице, не поехавшие на периферию по распределению, школьники, попадались люди постарше, в основном, случайные прохожие». Милицейский протокол выделяет некоего Н. И. Парастивили из близлежащего к Тбилиси села Дидилило, члена партии, находившегося в подпитии: «Он забрался на пьедестал монумента, допил вино из горлышка бутылки, которую он все время держал в руке, разбил ее о гранитную плиту и закричал: “Пусть же погибнут враги Сталина, как эта бутылка”».

Толпа разошлась только к полуночи, чтобы на следующее утро пройти демонстрацией по проспекту Руставели, главной улице Тбилиси. Впереди шли студенты, человек сто пятьдесят, несли потрет Сталина, по бокам колонны – непонятно откуда взявшиеся «организаторы», как их характеризовали в последствии свидетели. Они держались уверенно, останавливали проезжавшие мимо машины и заставляли водителей сигналить, прохожим на тротуарах приказывали обнажать головы. Однако день 5 марта закончился без каких-либо эксцессов. Наверное, поэтому Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе Хрущеву не позвонил, информацию о демонстрации рутинно отослали в отделы ЦК и Союзное Министерство внутренних дел.

6 марта город продолжал бурлить. Масла в огонь подлили слухи о зачитывании на заседании ЦК Компартии Грузии закрытого доклада Хрущева. Уличная толпа восприняла письмо, как надругательство над памятью своего «божества», но дальше недовольного ропота дело не шло. Руководство республики растерянно молчало, что воспринималось, как солидарность с недовольными. Я не сомневаюсь, что так оно и было, но прямые доказательства того отсутствуют.

Настоящие беспорядки начались 7 марта. Студенты снова заполнили улицы Тбилиси, к ним присоединились школьники, гудели автомашины, собравшаяся у монумента толпа в 25–30 тысяч человек скандировала: «Слава великому Сталину!»

Мжаванадзе растерялся, отрешенно выслушивал доклады подчиненных, уповав на то, что к вечеру люди устанут и все само собой успокоится. Не успокоилось. Вечером митинговало уже более семидесяти тысяч человек. Демонстрации продолжились до глубокой ночи. Не встречая сопротивления, беспорядки постепенно набирали силу. Мжаванадзе, не на шутку перепугавшись, позвонил в Москву в отдел ЦК «куратору» Грузии Ивану Шикину. Не получив от Шикина вразумительного ответа, попросил телефонистку соединить его с Хрущевым.

Голос Мжаванадзе звучал панически, он больше не верил в способность справиться с толпой и в заключение разговора попросил приказать военным ввести в город танки. Отец отказал, посоветовал ему сохранять спокойствие, на следующее утро выступить перед митингующими, откровенно поговорить с ними, объясниться, рассказать об открывшихся недавно сталинских преступлениях. Не могут же они, образованные люди, солидаризоваться с преступником. Отец надеялся, что студенты «побузят и разойдутся».

Утром 8 марта у здания ЦК Грузии собралось около десяти тысяч человек. Они потребовали вывесить в городе государственные флаги и портреты Сталина, опубликовать в газетах соответствующие траурной дате статьи.

Мжаванадзе с десяти утра мотался по городу, по совету Хрущева пытался наладить контакт с людьми, сначала уговаривал разойтись митингующих у здания ЦК, затем «успокаивал» студентов Педагогического института. Как рассказывал впоследствии Председатель КГБ генерал Серов, говорил он неубедительно, голос его дрожал, о преступлениях Сталина он и не заикнулся. Столь явная неуверенность Мжаванадзе еще больше раззадорила толпу.

Днем 8 марта события в Тбилиси обсуждали на Президиуме ЦК. Отец отсутствовал. В середине февраля, к моменту открытия XX съезда, в Москве разгулялся тяжелейший грипп. Чихала и сморкалась добрая половина города, кто отлеживался дома, многие попадали в больницы, и не все из них выходили. Грипп прицепился и к отцу, но пока шел съезд, он держался. Болеть отец просто не имел времени, встречался с делегатами съезда, затем посетил конструкторское бюро Сергея Королева. 3 марта в Москву приехал премьер-министр Дании Хансен, вслед за ним прилетел французский политик Венсан Ориоль. С обоими отец считал необходимым встретиться. Отец чихал, кашлял, у него поднялась температура, но он «не сдавался», глотал таблетки, полоскал горло, «лечился» горячим чаем с медом.

7 марта вечером, вернувшись с обеда, который давал Молотов по случаю отъезда на родину югославского посла Видича (отношениям с Тито тогда придавали особое значение), отец буквально свалился в постель. Следующим утром он уже не поднялся, все тело ломило, температура скакнула за тридцать девять. Приехал доктор Владимир Григорьевич Беззубик, личный врач отца, выслушал, выстукал, заглянул в горло и категорически запретил вставать. Отец посопротивлялся – его ждут на Президиуме ЦК, вечером в Большом театре торжественное заседание по случаю Женского дня. Владимир Григорьевич остался непреклонным – грипп в этом году непростой, следует вылежать, он даже припугнул отца: Болеслав Берут, глава польской делегации, простудившись во время съезда, вопреки советам врачей настоял, что он не может пропускать заседания, теперь лежит в Кремлевской больнице с тяжелой пневмонией. И еще неизвестно, чем все это закончится. Забегая вперед скажу, что через четыре дня, 12 марта, Берут скончался от воспаления легких.

То ли уговоры Беззубика подействовали на отца, то ли его окончательно оставили силы, но он сдался, 8 марта не пошел ни на Президиум ЦК, ни на торжественное заседание, вообще нигде не пошел. Всю следующую неделю не выходил из дома.

8 марта на заседании Президиума ЦК председательское место во главе стола занял Булганин. После того как генерал Серов доложил о трехдневных беспорядках в столице Грузии, началось обсуждение.

– Проспал Мжаванадзе, – бросил реплику Молотов.

– Опростоволосился, – поддержал его Каганович.

– Безобразие, Мжаванадзе попросту растерялся, – возмущался Ворошилов.

– Шикин повел себя не лучше, – отозвался избранный на XX съезде кандидатом в члены Президиума Жуков.

Микоян предложил «поднять рабочих».

– Послать в Грузию комиссию ЦК, – подвел итог Булганин, – кого поставить во главе – подумать.

«Покончив» с Грузией, перешли к следующему вопросу.

Тем временем в Тбилиси события развивались по собственному сценарию. В 12 часов дня 8 марта Мжаванадзе выступал перед толпой на центральной площади Тбилиси, площади Ленина. По свидетельству участницы митинга, уже упоминавшейся ранее Фаины Баазовой, Мжаванадзе говорил «долго и ласково, обещал их поддержать» и якобы даже пообещал «нашего дорогого Сталина в обиду не давать».

В последнее верится с большим трудом. Несмотря на все «ласковые слова», выступление Мжаванадзе толпу не успокоило. Собравшиеся потребовали встречи с китайским маршалом Чжу Дэ, гостем XX съезда. Накануне вечером он прилетел в Тбилиси из Еревана. «Большая группа манифестантов собралась перед гостиницей «Интурист» и, скандируя слова «Мао Цзэдун – Чжу Дэ», требовали встречи с тов. Чжу Дэ».

Дело в том, что незадолго до выступления Мжаванадзе, на другом митинге, проходившем у монумента Сталину, один из выступавших заявил, что возмущенный Мао Цзэдун якобы потребовал выдачи ему тела Сталина, который китайские кудесники берутся оживить. Толпа встретила его слова одобрительным ревом. Этот слух быстро распространился по Тбилиси, и теперь, собравшиеся на площади Ленина люди хотели получить подтверждение из «первых уст». Стоявшие на трибуне грузинские официальные лица начали перешептываться, один из них подошел к микрофону и сказал, что Чжу Дэ сейчас в городе Рустави на металлургическом заводе и потому прибыть на площадь никак не может. Толпа, естественно, не поверила, кто-то предложил послать к Чжу Дэ делегацию. Ее сформировали тут же на площади. Все знали, что Чжу Дэ разместили на одной из государственных дач на окраине Тбилиси. Туда и направили ходоков. Их сопровождала пятитысячная толпа. Милиция попы-

талась их остановить, но «они, применив палки и другие предметы... прорвали заслоны, ворвались на территорию дачи, где вели себя необузданно дерзко».

На даче Чжу Дэ не оказалось, он действительно уехал в Рустави. «Ходоки», окруженные толпой добровольцев, остались дожидаться китайского маршала у ворот резиденции. Наконец появилась кавалькада лимузинов, толпа расступилась, пропустила китайских гостей внутрь и устремилась за ними следом, в еще остававшиеся приоткрытыми ворота. Пятеро студентов даже прорвались в дом, Чжу Дэ встретился с ними, призвал к спокойствию, но ехать в город отказался.

Маленькое отступление. По завершении съезда иностранные гости по традиции разъехались по стране, им показывали достижения Советской страны: заводы, колхозы, электростанции. Они в свою очередь выступали на митингах и собраниях. До Тбилиси Чжу Дэ побывал в Куйбышеве (Самаре), затем в Баку и Ереване, а приехав в Грузию, согласно расписанию, посетил металлургический завод в Рустави. 9 марта его ожидали в Ростове и к вечеру того же дня в Харькове. Выступать без одобрения Мао Цзэдуна на митинге в Тбилиси, к тому же несанкционированном, он не имел никакого желания.

К уговорам «ходоков» присоединился заместитель председателя грузинского правительства Михаил Порфирьевич Георгадзе. Он сопровождал маршала в поездке в Рустави, и теперь они вместе приехали на госдачу. Правда, цели они преследовали противоположные: «ходоки» жаждали подтверждения намерения Мао Цзэдуна спасти и оживить Сталина, Георгадзе считал, что Чжу Дэ должен публично опровергнуть это намерение. В конце концов пришли к компромиссу. Вместо Чжу Дэ у памятника Сталину выступил один из китайцев, но не так, как ожидали собравшиеся. Он не потребовал выдачи сталинского праха, напротив, уговаривал митингующих разойтись. Его освистали. «Поздно вечером у монумента Сталина имели место отдельные выступления против руководителей партии и правительства», — доложил в ЦК осторожный Мжаванадзе.

Тем же вечером Мжаванадзе распорядился «в целях ослабления напряженности» опубликовать 9 марта в республиканских газетах передовую статью «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина», на некоторых зданиях вывесить государственные флаги с траурными лентами, на предприятиях и в учреждениях провести митинги памяти Сталина». Не действовало.

9 марта не встретившая сопротивления толпа выросла, по данным милиции, до восьмидесяти тысяч человек. (В своей записке Мжаванадзе «поскромничает», уменьшит количество митингующих до 35–40 тысяч человек.) Митинг у памятника Сталину, в отличие от вчерашнего, больше не казался стихийным, у присутствовавших (так они свидетельствовали позднее) возникло ощущение, что действия толпы организованы и теперь их координирует «некий штаб». Выступавшие требовали пересмотреть решения XX съезда, прекратить читать письмо «О культе личности». Некто Рубен Кипиани пошел еще дальше, предложил реабилитировать Берия, сместить с должностей Микояна, Булганина, Хрущева, а во главе страны поставить верного «сталинца» Молотова. Какие-то молодые люди с красными траурными повязками на рукавах сновали на площади, раздавали листовки с требованием выхода Грузии из СССР. В толпе оказались не только «защитники» Сталина, но и люди, мыслившие иначе, но «едва они открывали рот, на них набрасывались с кулаками, а шофера грузовика, отказавшегося предоставить свой автомобиль в распоряжение организаторов протеста, попросту сбросили в Куру».

Мжаванадзе в своей записке назовет эти требования «ультиматумом». Сам он появиться перед митингующими не решился, послал туда кого-то, кого он назвал «руководящими работниками ЦК». Но было поздно. Ни они, ни пришедшие на подмогу «члены ЦК КП Грузии, министры, видные представители науки, литературы и искусства» ничего уже не могли поделать, толпа их «не допускала к монументу Сталина», а тех, кто туда все же

протискивался, «силой, угрозами заставляли покинуть монумент». Люди не расходились, настойчиво требовали ответа на «ультиматум».

Прозвучали призывы захвата почты, телеграфа, типографий. Уже стемнело, когда часть демонстрантов осадила редакцию газеты «Коммунист», другие, около пяти тысяч человек, чтобы передать свои призывы по радио, направилась к Дому связи, там размещался Республиканский радиоцентр. Радиостанцию охранял усиленный наряд КГБ. Когда из толпы полетели камни, а затем она пошла на приступ, раздались выстрелы. Штурм прекратился. Пятнадцать человек погибли, пятьдесят четыре – ранено. Имелись погибшие и среди солдат. В них тоже стреляли.

Около трех тысяч человек попытались захватить городское управление милиции. И там в ход пошли камни и палки, «выбивали стекла и двери, милиционеров избивали, но стрельбы не было». Еще одна группа митинговавших двинулась на железнодорожный вокзал. Они «забросали камнями отправлявшийся в Москву экспресс, разбили стекла в вагонах, выкрикивали: «Русские собаки! Бей армян!»

Митинги и демонстрации в поддержку Сталина прошли не только в Тбилиси, но и на его родине, в селении Гори, и даже в столице Абхазии Сухуми. И там не обошлось без мордобоя. После отправления из Тбилиси стекла в московском поезде били и в Гори, он там останавливается на пару минут. Разбили, как утверждает милицкий протокол, 105 стекол в десяти вагонах. Пытавшаяся проникнуть в вагоны толпа задержала отход поезда на 38 минут.

Вечером 9 марта отцу домой позвонил Серов, доложил о происшедших столкновениях. В ночь на десятое марта в Тбилиси ввели танки, за ними следовала мотопехота и конвойные войска Министерства внутренних дел.

Продолжавших митинговать у сталинского монумента с трех сторон окружили воинские подразделения. Они начали теснить толпу, при этом «с обеих сторон применялись меры физического воздействия» – удары палками, прикладами и другими предметами. Солдат забрасывали камнями, бутылками, палками, из толпы был произведен выстрел. Примерно 25 солдат, не имея на то команды, открыли беспорядочную стрельбу вверх, которую офицеры немедленно прекратили.

Митингующих у монумента удалось разогнать лишь к середине ночи. «После рассеяния толпы на прилегающей территории обнаружили четырех тяжелораненых граждан и одного солдата... Из раненых впоследствии двое скончались. Все они имели пулевые ранения. Установить где и конкретно кем они были ранены, не представилось возможным». Как писал в своем донесении Серов, КГБ арестовало тридцать восемь наиболее активных зачинщиков беспорядка. Двадцать человек из них осудили: кого за хулиганство, кого за участие в массовых беспорядках, кого за разжигание межнациональной розни. Приговоры прозвучали не по-сталински мягко. Максимальный срок получил Кипиани: лишение свободы на 10 лет.

В материалах следствия мелькало имя Звиада Гамсахурдия. Теперь считается, это именно он написал листовки с призывами об отделении Грузии от СССР. В конце 1980-х годов Гамсахурдия, став президентом Грузинской ССР, добьется своего, объявит о выходе республики из Советского Союза.

В те дни я, естественно, никаких подробностей не знал, до меня доходили лишь отзвуки разыгравшейся трагедии. Когда отец начал поправляться от гриппа, я пристал к нему с расспросами, и он нехотя подтвердил: «Студенты в Тбилиси устроили волынку, напали на поезд, побили стекла», затем вытащил из папки, лежавшей на прикроватной тумбочке, присланные Серовым фотографии и показал их мне. Запомнились зияющие выбитые окна вагонов. Обсуждать происшедшее отец не захотел. В Грузии, он считал, со временем все придет в норму, надо проявить выдержку и стойкость. В этом он очень почему-то рассчитывал все на того же, только что продемонстрировавшего свою недееспособность, Василия Павловича

Мжаванадзе – вчерашнего генерала-политработника. Отец его хорошо знал еще со времен работы на Украине. С 1947 года Мжаванадзе являлся членом Военного совета в Харьковском, а затем в Киевском Военном округах. В Киеве отец по долгу службы общался с ним особенно тесно, считал, что он заслуживает доверия и национализмом не заражен.

Мне Василий Павлович казался человеком скользковатым, хитрым и уж очень себе на уме. Но свое мнение я держал при себе, да и признаться, не очень ему доверял. Кто-то из нас двоих не разобрался, либо отец, либо я. Того, что отец может ошибаться в людях, в 1956 году я не допускал.

Тогда же отец решил потрафить грузинам, назначить на один из государственных постов, не решающий, но заметный, человека из Тбилиси, но не сразу, а чуть погодя, чтобы этот шаг Москвы не выглядел вырванной у нее уступкой. Выбор пал на Президиум Верховного Совета СССР, по Конституции, – высший государственный орган в стране, но по сути почти безвластный. 2 февраля 1957 года Секретарем Президиума назначили Михаила Порфирьевича Георгадзе, до того работавшего заместителем председателя правительства Грузии. Отец его запомнил. В разгаре «волынки» в Тбилиси он не растерялся, не спрятался, 9 марта 1956 года, вместе с толпой разговаривал с Чжу Дэ, потом не отходил от китайского делегата, когда тот выступал у монумента Сталина.

«Волынка» в Грузии, бурные, едва не вышедшие из-под контроля споры вокруг «закрытого» письма в научных институтах лили воду на мельницу оппонентов отца. Они же предупреждали! Отец и сам понимал опасность разгула митинговой стихии. Он помнил о ней с февральских дней 1917 года. Тут самое страшное – упустить момент. Особенно в нашей стране, где демократия и анархия в народном сознании одно целое.

Отец решил не рисковать, сдать назад, отложил, а затем и вовсе отменил «антисталинский» Пленум ЦК, намеченный на июнь 1956 года. К нему готовились вовсю. Часть ораторов, среди них маршал Жуков, даже успели написать свои выступления. Одни, их было большинство, порадовались отмене Пленума, другие – огорчились, в том числе и Жуков, ему очень хотелось посчитаться со Сталиным, рассказать и о причинах наших поражений в начале войны, и о судьбе советских военнопленных, отправленных напрямую из немецких концлагерей в советские, и о многом другом. Не пришлось. Многостраничный проект выступления он сдал в архив.

Вместо Пленума поручили Комиссии во главе с Секретарем ЦК Брежневым подготовить письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда» и тем самым остудить накал страстей.

Мне кажется, что отец поступил правильно. Переход от авторитаризма, от его монархической разновидности, а именно она, несмотря на революцию, по-прежнему существовала в России, к демократии требовал крайней осмотрительности. Тут как при пересечении минного поля, стоит оступиться – и пиши пропало.